

A romantic scene between a knight and a lady in a grand hall. The knight, on the right, has dark hair and is wearing a brown and silver armor with intricate white patterns. He is leaning his head against the lady's. The lady, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a red dress with gold floral embroidery. They are surrounded by a glowing white aura. The background features a large, ornate chandelier with many crystal droplets hanging from a dark ceiling. The walls are dark with gold decorative elements.

Рыцарь
для
Леди

Елизавета Соболянская

Елизавета Соболянская

Рыцарь для леди

Текст предоставлен издательством

Рыцарь для леди:

Аннотация

Где могут встретиться леди и ее рыцарь? На прогулке? В саду? На балу? Или... в пыточных застенках? Графиня Верден и Себастьян Трэвис вместе пережили смерть, вместе вернулись к жизни, чтобы отомстить тому, кто разрушил их жизни. Иногда цветы любви растут на пепле ненависти...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	66
Глава 13	71
Глава 14	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Елизавета Соболянская

Рыцарь для леди

Пролог

Я очнулась резко, словно вынырнула из воды, и застонала от боли. Сырость, полумрак, жесткая скамья подо мной. Значит, это не сон. Жаль.

– Леди? Леди Верден? – надо мной кто-то склонился.

Я медленно моргнула несколько раз и наконец разглядела круглое печальное лицо с щеточкой усов:

– Доктор? Доктор Либб? Рада встрече!

Ох, все-таки хорошее воспитание записано розгами на подкорке!

– Как вы тут очутились, леди?

Я обвела взглядом сырые подвальные стены и выдавила из себя смешок:

– Не спрашивайте, доктор. И если это в ваших силах, помогите мне умереть...

Глава 1

Лицо доктора расплылось, меня снова обступили тени, но я знала – если будет возможность, он выполнит мою просьбу.

Когда-то я спасла его с женой и сыном. Просто выкупила по бешеной цене его дом и приказала своему кучеру отвезти испуганных мужчину, женщину и ребенка на станцию дилижансов в соседнее графство. Дом сожгли на следующий день. Негодяи вытоптали садик, полный цветов, за которыми любила ухаживать миссис Либб, разломали даже качели, на которых каждый день крутился их сынишка. И все из-за того, что доктор не смог спасти жену местного старосты.

Что ж, бабуля часто говорила, что добро возвращается. Может быть, сейчас добрый доктор подарит мне легкую смерть...

Я закрыла глаза – веки были свинцовыми и никак не хотели открываться. Рядом раздался болезненный стон. С большим трудом мне удалось повернуть голову. А этот мальчик, юный и прекрасный, как рыцарь Гавейн на старинных гравюрах – кажется, он тоже чем-то не угодил герцогу Дерринжеру, дядюшке молодого короля. Мы сталкивались с этим юношей в коридоре допросных камер. И потом в пыточной. И если меня поначалу оберегал титул и пол, то его – просто невероятная красота. Даже палач не решился испортить столь совершенное творение Всевышнего – так, мазнул ла-

донью пару раз по губам, разбив их в кровь, но, кажется, от этого юноша стал только красивее.

– Миледи, – доктор склонился надо мной снова, – у вас кровотечение.

– Я знаю, – постаралась сдержать гримасу боли.

Малыш. Ребенок, которого мы с мужем ждали несколько лет. Как только меня ни обзывали его родственницы – и сухой веткой, и пустым ведром, а я и не заметила, что его редкие визиты в мою спальню закончились чем-то особенным. Только тут, выгибаясь от боли внизу, я поняла, почему чувствовала недомогание последние пару месяцев, но было уже поздно. Муж и его семья сразу отреклись от преступницы, укравшей безделушку у принцессы. Граф еще и поглумился, передавая меня на волю палача.

– Дорогая, мы устроим вам роскошные похороны! Думаю, юная Фелициата Лэйкомб быстро меня утешит.

О да, наследница из рода, лишь поколение назад получившего дворянство. Теперь граф Верден мог себе это позволить. Его положение в совете пэров стабильно. А утонувшая бесплодная графиня – подарок судьбы, не иначе. Что ж, умирая, я знаю, чего ему пожелать...

– Я могу объявить вас мертвой, – глаза доктора лихорадочно блестели, – и забрать тело в анатомический театр. Скажите, вам есть куда пойти потом?

В моем сердце моментально воскресла надежда! Выжить? Уйти отсюда и отомстить?

– Да! – жарко шепнула я. – Есть! И если можно, доктор, спасите этого юношу тоже... Он... пытался защитить меня.

Доктор Либб бросил взгляд на вторую скамью и кивнул:

– Я постараюсь, миледи. Ничего не бойтесь и не двигайтесь!

Я замерла, закрыв глаза. Право слово, в его просьбе не было ничего особенного, мне и так не хотелось шевелиться, боль казнила за каждое движение.

Между тем док развил бурную деятельность. Начал кричать, ругаться со стражниками, а когда они вышли, быстро капнул мне и соседу что-то на губы:

– Не бойтесь, – напомнил он мне и задрал короткую тюремную рубашку, обнажая живот.

Отчего-то накатило стыд, хотя этот скучный предмет гардероба на мне задирали все, кому хотелось. В этой клоаке человеческой жизни нашлось много желающих «отведать» опальную графиню. Но доктор все делал не напрасно – кажется, он пытался остановить кровотечение, во всяком случае тяжесть внизу живота уменьшилась, а после я вообще перестала ощущать свое тело.

Когда стражники вернулись, я уже не могла двинуть ни одним мускулом. Полный паралич. Полуприкрытые глаза смотрели в низкий потолок, зрачки не двигались, дыхания не было слышно.

– Ну и что вы предлагаете мне тут спасти? – доктор был непривычно высокомерен и строг. – Эта дама истекла кро-

вью! А у этого юноши внутреннее кровотечение! Два трупа за пять минут! Если они были вам так нужны, следовало позвать меня раньше!

– Спокойно, док, – старший стражник, тот самый, который гордился своим огромным членом и пихал его в меня при любом удобном случае, отвечал с ленцой человека, знающего больше всех, – никому они не нужны. Герцог распорядился скинуть тела в реку, куда-нибудь подальше!

– Хм, – доктор Либб побродил между нашими скамьями и предложил: – Раз они никому не нужны, может, отдадите их мне? В анатомический театр? Студентам будет полезно увидеть органы, обескровленные естественными путями...

Что-то звякнуло, словно кошель с золотом перешел из рук в руки.

– Забирайте, док, – так же лениво ответил стражник, – только, как всегда, тихо!

– Ну так помогите, – фыркнул Либб, – первый раз, что ли?

– Это не ко мне, – раскатисто хохотнул старший, – меня эта дамочка больше устраивала живой. Эх, какая горячая была! Дралась и кусалась до последнего! Вон, пусть Пит помогает, и старуху пришлю.

Через несколько минут надо мной склонилось морщинистое лицо в окружении черного чепца. Чьи-то руки споро накинута на меня мешковину и даже милосердно одернули короткую рубаху. Потом дерюгу зашили крупными стежками, и два человека схватили меня за ноги и за плечи, чтобы, чер-

тыхаясь, вынести куда-то и бросить на что-то жесткое. Вскоре рядом грохнулось еще одно тело, и заскрипели колеса телеги.

Мысли в голове скакали как бешеные. Анатомический театр. Это столичное новшество. Я слышала, туда отправляли тела преступников и бесхозные трупы, выловленные в реке. Значит, доктор Либб после спасения от погрома отправился в столицу. Судя по всему, здесь он сделал неплохую карьеру. Средство, которое он дал нам, у него было с собой. Выходит, я не первая? Интересно. Впрочем, сейчас надо думать не о том. Куда я пойду, если к мужу нельзя? В голове всплыли слова бабули:

– Это мой подарок тебе. Добрачный. Если вдруг выяснится, что тебе некуда идти, знай, что у тебя есть дом. Улица Зеленая, девять. Запомни!

Душу затопило облегчение.

Бабуля никогда не доверяла моему мужу и его семье. Считала, что Дэвид женился на мне только потому, что мой отец был адмиралом. Она вообще хорошо разбиралась в людях и презирала моего супруга и его родню. Общалась с ними редко и еще до свадьбы вручила мне шкатулку, запертую на ключ. Там были документы на дом и кое-какие фамильные драгоценности. Плюс кошелек. Все это бабуля мне только показала, сказав, что отвезет свой подарок в тот самый дом. В мои семнадцать лет странный подарок быстро забылся, а бабушка умерла три года назад, завещав свое невеликое иму-

щество приюту святой Марты.

О, как же я была наивна и слепа! Покачиваясь на ухабах в телеге для перевозки трупов, я мысленно горько усмехалась – двинуть даже губами я все еще не могла.

Граф не просто так женился на тощей и мелкой дочке адмирала. Он надеялся упрочить свое положение в сенате и потому не прислушивался к прозвищам «наперсток», «катушка» и прочим «милым шалостям» светских дам.

Упрочил. Но отец быстро умер – догнали старые раны. С наследником тоже не получилось, осталась только моя должность в свите младшей принцессы. Какое-то время меня терпели – все же принцесса Амалия не любила менять штат, а должность у меня была ответственная. Но потом герцог Дерринжер сделал мне предложение. Опасное предложение. Он лично просил меня кое-что добавить к гардеробу моей госпожи. Я отказалась и в итоге оказалась в пыточной. А теперь, если выживу, я останусь никем. Графиня Верден мертва, кажется, на послезавтра назначены похороны в родовом склепе. Что ж, наверное, это хороший повод начать новую жизнь?

Глава 2

Нас привезли к мрачному зданию королевского госпиталя. Я узнала здание, невольно подглядывая в прореху мешка. Принцесса раз в месяц навещала его, раздавая хлеб и целебные настойки. Только подъехали мы не к парадному входу, а к боковому. Следом подкатила коляска с доктором. Он выпрыгнул и скомандовал парочке санитаров, зевающих на крыльце:

– Эй, бездельники! Отнесите в мою анатомичку! И скажите Крюмсдалю, что я его жду!

Мужики в грубых кожаных фартуках небрежно скинули нас на носилки и занесли в здание. Длинный коридор, спуск в подвал, ругань, и наконец нас стряхнули на что-то твердое. Дыра сместилась, и я ничего не видела. Зато слышала, как санитары бурчали между собой о том, что док с ума сходит, изучая висельников и приговоренных.

– Зато и лечит лучше всех, – хмыкнул в итоге один из носильщиков, гремя деревяшками носилок, – если я заболею, лучше к Либбу попрошусь, чем к этим чистеньким господам во фраках и шляпах.

– Вы еще здесь? – в помещении появился запыхавшийся доктор. – Крюмс где?

– Сейчас, доктор, идем! – санитары убрались, и доктор торопливо запер за ними дверь.

– Миледи, прошу вас потерпеть еще немного, мне нужен свидетель, – со вздохом сказал мистер Либб.

Вскоре в дверь стукнули. Доктор сам открыл и тут же запер дверь.

– Крюмсдаль, где тебя шерги носят? – строго сказал он. – Мне тут парочка тел перепала, надо кровь смыть и привести в порядок.

– Для театра, док? – грубый голос звучал прямо над головой, и, если бы я смогла, я бы вздрогнула, но паралич не отпускал.

– Нет, – отмахнулся мистер Либб, – смерть от кровотечения, ничего интересного. Просто родственники обещали заплатить за погребение.

– А, понял. Помыть, нарядить, уложить?

– Да, я пока схожу договорюсь о гробах и телеге. Пусть забирают, пока главный врач не пришел! – с этими словами мой знакомец действительно ушел, а мой мешок разъехался под лезвием ножа.

– А дамочка ничего, – бормотнул грубого вида мужик, разглядывая меня. Потом он разрезал на мне рубашку и начал поливать ледяной водой из ведра. Вылил ведер пять, не меньше. Пригладил волосы, притащил откуда-то саван и умудрился натянуть на мое негнущееся тело. Потом, наконец, занялся моим соседом и тоже присвистнул, разглядев лицо. Правда, начав обмывать, бурчал уже что-то сочувственное. Похоже юный рыцарь выглядел еще хуже, чем я.

Примерно через час дверь открылась:

– Готово? – услышала я голос доктора.

– Готово, док.

– Так, давай дамочку сюда, – что-то гроыхнуло, и... меня подняли и одним движением переложили в деревянный ящик до половины наполненный стружками. Гроыхнула крышка. Звуки стали глуше, но я поняла, что юношу тоже укладывают в ящик. – Все, покатили к выдаче, там уже телега ждет!

Гробы на тележках поехали куда-то, потом с матом погрузили на очередную телегу.

– Ф-фух, – док, судя по звукам, утер пот и распорядился: – Подбери для анатомички пару похожих тел, только головы отдели, мол, казненные преступники. А я пока этих родне передам. Вот, держи! – снова звякнул мешочек, и телега покатилась по брусчатке.

Примерно на полпути я вдруг ощутила, что у меня замерзли ноги. Хотела поерзать, но вспомнила, что лежу в гробу, и замерла как прежде.

Катафалк вскоре остановился, и доктор сказал кому-то, что гробы нужно занести в придел на отпевание. Мой ящик подняли, покачали и понесли. Потом поставили. Я пригрелась под тонкой простышкой и, кажется, задремала.

Проснулась, когда крышка открылась.

– Миледи, быстрее!

Меня выдернули из ящика и сунули в руки узел с одеж-

дой. Теплые чулки, грубые башмаки на три размера больше, платье, которое я натянула поверх савана, черный плащ и траурный чепец. Вещи были не новые и явно пахли лавандой и мылом. Похоже, доктор закупился в ближайшей лавке старьевщика. Неважно. Я жива!

Пока я натягивала одежду, рядом так же быстро одевался юноша. Я даже не знала его имени, но это не беспокоило. Мы едва успели привести себя в порядок. Я занавесила лицо вуалью, красавцу доктор сунул в руки огромный клетчатый платок, и тут в придел, где стояли гробы, вошел священник!

– Вот, святой отец, – мистер Либб трагичным жестом указал на гробы, – вдова просит вас совершить чин отпевания. Ее муж и сестра погибли в аварии, гробы открывать нельзя. Потом похороните несчастных на вашем кладбище. Вот деньги. Этой даме так плохо, что я рекомендую ей уехать домой, чтобы не случилось нервной горячки.

Еще один мешочек с монетами, и мы вышли из тихой церквушки при кладбище, сели в экипаж, и тогда доктор спросил:

– Вам есть куда ехать, миледи? Я, к сожалению, не могу пригласить вас к себе.

– Улица Зеленая, девять! – решительно сказала я, чувствуя, как начинают болеть многочисленные ожоги и раны.

Мистер Либб повторил адрес извозчику, и экипаж тронулся.

Зеленая улица оказалась тихой и удивительно приятной. Нет, не аристократический квартал, но и не окраины. Ряд крепких домиков, окруженных небольшими садами. Чистая мостовая, аккуратно накрытые решетками сточные канавы. Облетевшие деревья и поздние астры в палисадниках.

Коляска остановилась возле крепких деревянных ворот, украшенных летящими ласточками. Я сморгнула набежавшую слезу. Ласточки украшали мой личный герб. Бабуля всегда была последовательна и предусмотрительна.

Мы вышли, стукнули в калитку, дождались лая собак и недоверчиво приоткрытого оконца.

– Кто здесь? – недоверчиво высунулся пожилой мужчина.

Слезы потекли по моему лицу. Я его узнала! Бабулин дворецкий! Она оставила ему и его жене пенсию и какие-то распоряжения. Я не вникала, просто передала бумаги.

– Бриггс? – пришлось приподнять вуаль.

– Миледи? – старик меня все же узнал и немедля загремел засовами. – Прошу вас, проходите!

– Это со мной! – я кивнула на мужчин, и старик молча принял это. Он запер калитку и повел нас к дому.

– Чего изволите, миледи?

Я немного растерялась, но доктор не дремал:

– Голубчик, хозяйке и ее гостю сейчас нужна теплая ван-

на, бульон, ильмовая мазь и кровать. А остальное я напишу!

Мы вошли в дом через кухонную дверь. Там у плиты хлопотала супруга Бриггса – миссис Лидия. Она служила у бабули экономкой и выглядела так знакомо и уютно, что слезы хлынули по моему лицу с новой силой.

– Миледи, миледи! Успокойтесь! Вам нельзя волноваться! Кровотечение может снова открыться!

Доктор и экономка подхватили меня под руки и повели вверх.

– Помогите ему тоже, – я махнула рукой в сторону юноши, который растерянно стоял посреди кухни, и отдалась в заботливые руки миссис Лидии.

Меня уложили в постель, обработали раны, напоили бульоном, микстурой и порошками, которые оставил доктор Либб. Он уверил меня, что кровотечение благополучно остановлено, и моему здоровью больше ничего не угрожает.

– Ваши раны выглядят страшно, миледи, но при должном уходе от них не останется и следа. Я постараюсь достать все необходимые мази и порошки, а вы пока отдыхайте и хорошо питайтесь. Вам важно восстановить кровь!

– А мальчик, доктор, скажите, с ним все будет хорошо?

– Физически молодой человек пострадал меньше вас, – ответил лекарь, – если я правильно понял, он угодил в подвалы позже, и палач берег его по приказу некоего высокопоставленного лица.

– Это так, – я осторожно дернула уголком рта, пытаюсь

изобразить невеселую усмешку. – Так он поправится?

– Ваш внезапный гость находится в очень подавленном состоянии духа, – развел руками доктор. – Вы боец, миледи, и, я уверен, вскоре оправитесь, а он считает, что должен был умереть в том подвале, потому что нарушил свои обещания.

– Обещания?

– Мальчик не просто семинарист, он учился по воле прихода. Я не смог убедить его в том, что обеты, нарушенные против воли, не несут в себе зла.

– Я поняла, доктор Либб, спасибо! Загляните к нам завтра, я найду денег, чтобы помочь вам с покупкой лекарств.

– Вы спасли мне жизнь, миледи, – строгим тоном ответил док, но я отмахнулась.

– Вы мне тоже. И не отказывайтесь, я знаю, сколько стоит итлийская смолка или кедровый бальзам.

– Воля ваша, миледи.

С этими словами лекарь наконец ушел, а я позвала Лидию и попросила приготовить купальню.

– Миледи! Ваши раны!

– Ранам будет только лучше. А мне нужно промыть волосы щелоком, одежду сожги в печи во дворе. В тех подвалах было полно блох и вшей. И мальчика тоже нужно вымыть и переодеть. Попроси своего мужа, Лидия, этот юноша желал стать священником, не будем нарушать его скромность.

Экономка вздохнула, но признала мою правоту – постельное белье подо мной почернело от грязи и мазей.

Глава 3

Часа через три Бриггс сообщил, что купальня готова. Он лично отнес меня туда, усадил в корыто, выстланное простыней, и вышел. Лидия стянула с меня сорочку, добавила в воду соль и ароматные травы, подложила под голову полотенце и ушла перестилать кровать. Я задремала, наслаждаясь теплом и вкусным запахом. Раны саднило от горячей воды и соли, но я радовалась этой боли – она говорила мне о том, что я жива.

Через полчаса прибежала расстроенная Лидия с вестью о том, что семинарист свалился с кровати и просил Бриггса оставить его умирать на холодном полу. Я разъярилась. Пожилым слугам и так непросто делать всё самим, соблюдая секретность. А этот капризуля еще доставляет им трудности!

– Тащите его сюда! – скомандовала я. Экономка вытаращила глаза, а я пояснила: – Его все равно нужно мыть, а у меня нет сил идти к нему и читать нотации.

Лидия вышла, и вскоре они с Бриггсом привели юношу и усадили его на скамью у стены.

– Добрый день, – я сухо поздоровалась, даже не удивляясь тому, что голос звучит иначе. Сколько я кричала в том подвале, сколько плакала и проклинала... Неважно. – Мне доложили, что вы просите о смерти...

Мальчик поднял на меня взгляд, и я вздрогнула. Не та-

кой уж он и мальчик. Просто чистая кожа, правильные черты лица и стройность создали такое впечатление. Ему лет двадцать, может двадцать два. А вот глаза... Но расслабляться нельзя. Не для того я вытащила его из застенков, чтобы похоронить в своем саду!

– Меня зовут... звали леди Вивьен Верден. Графиня Верден. В подвалы меня отправили по приказу герцога Дерринжера.

– Я Себастьян. Себастьян Трэвис. Учусь... Учился в семинарии при соборе святого Себастьяна.

Я понимающе кивнула. Себастьян при храме Себастьяна – значит, сирота или подкидыш, которого учат на деньги общины или благотворителей. Иногда милостивых талантливых мальчиков отбирали в епископский хор, давая им тем самым и кусок хлеба, и возможность стать монахами. Этого Себастьяна, похоже, готовили в ученые монахи. Стал бы потом помощником настоятеля или декана семинарии, а там, глядишь, и во дворец бы угодил – исповедовать экзальтированных придворных дам и плести интриги. Не встретиться на его пути герцог Дерринжер.

Я невольно повторила имя того, кто отправил меня на смерть за отказ.

О, сработало! В красивых медовых глазах промелькнула тень эмоции.

– Приказ отдал герцог, а передал меня стражникам мой собственный муж.

Я замолчала, вновь переживая тот момент. Это ведь случилось не во дворце – там я могла успеть к принцессе, чтобы просить ее о заступничестве. Нет, люди герцога дождались, пока меня отпустят на выходной, и забрали меня прямо из столичного особняка Верденов. А муж сам проводил их ко мне и издевательски комментировал, когда меня повели к выходу.

– Что было в темнице, вы и сами знаете, мы с вами встречались в коридорах...

При воспоминании о подвалах и палачах мой невольный гость совсем спал с лица.

– Только я там потеряла не только имя и честь, но и ребенка.

Голос мой звучал скрипуче, я еще не нашла в своем сердце места, где смогла бы оплакать нерожденного.

– Так что предлагаю не пытаться покончить жизнь на полу моей гостевой комнаты, а взять себя в руки и... отомстить.

– Отомстить? Кому? – глаза молодого человека снова стали тусклыми.

– Тому, кто заставил нас встретиться в том подвале, – криво усмехнулась я, – герцогу Дерринжеру!

– Да я его видел один раз, когда он приезжал в наш колледж...

– И что-то ему сказали? – поинтересовалась я, замечая, что гость все же выпрямился и теперь выглядит более живым.

– Ему – нет. Один из сопровождавших его свитских подошел ко мне после службы. Сказал, что герцогу понравился мой голос, и он хотел бы слушать его каждый день в своей спальне...

Голос Себастьяна сорвался, а я понимающе усмехнулась. развратность королевского дядюшки стала притчей даже при Дворе.

– Вы отказали и уже к вечеру угодили в подземелье?

– Да, так и было. Туда тоже приходил тот придворный. Что-то говорил, обещал, угрожал, но я его плохо слышал. У меня так бывает: когда волнуюсь, полностью пропадает слух.

Я прищелкнула языком – дурная привычка, за которую гувернантка больно била меня по губам, но поделаться с ней ничего не смогла. Мальчик наверняка слышал немало гадостей за свою жизнь, и такая особенность – терять слух – это благословение Божье. А вот мне приходилось все это выслушивать и улыбаться. Приличная леди не может себе позволить быть хмурой, усталой или раздраженной. Только милая улыбка и потупленные очи. Легкая походка и безупречный внешний вид. И каждую минуту помнить, что ты дочь-жена-фрейлина, и по тебе судят о семье, роде и твоей работодательнице.

На миг я снова ощутила на плечах неподъемную плиту долга, а потом вдруг поняла, что темница избавила меня от него! Я теперь никто! Не жена, не мать, не дочь... Я могу стать кем угодно! Мне словно снова стало пять лет, и я рас-

смеялась под испуганными взглядами слуг.

– Себастьян, – сказала я, оборвав себя, – а кем вы мечтали быть в детстве?

– Что? – юноша моргнул и неуверенно посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

– Я объясню. Мы с вами умерли. Отпеты и похоронены. Нас нет в этом мире, и это значит, что мы можем стать кем захотим!

Трэвис снова моргнул, не понимая. Я устало махнула рукой:

– Поймешь позже. А сейчас вымойся и поешь. Позволь жизни быть.

Прямому приказу Себастьян не сопротивлялся – ушел за торопливо поставленную Бриггсом ширму, и вскоре там заплескалась вода. Я даже немного позавидовала – то ли потеря крови, то ли длительная голодовка в подземелье делали меня слабой, как котенок, и добрейшей миссис Лидии приходилось меня мыть, поднимать и кутать в простыню.

Зато потом я пила восхитительный куриный бульон с пряными травами и сухарями и спала – долго-долго! В самой настоящей постели, с чистыми, пахнущими лавандой простынями.

Глава 4

На следующий день я проснулась на рассвете. Полежала немного, наслаждаясь зудящим под повязками телом, осторожно потянулась и поняла, что зверски хочу есть. Не хотелось беспокоить миссис Лидию, но... я позвонила в колокольчик, стоящий на тумбе у постели. Минут через десять экономка явилась с подносом в руках:

– Доброе утро, миледи! Я принесла вам завтрак! Сейчас будет горячая вода и чистая сорочка!

Я схватила с подноса кружку с какао и сделала первый – самый вкусный и сладкий – глоток. Внутри разбежалась тепло, и я замерла с легкой улыбкой, прислушиваясь к себе. Да, мне хорошо, тепло, мягко и сладко. А теперь надо поесть, чтобы появились силы.

Миссис Лидия постаралась приготовить завтрак, полезный для желудка. Тут была овсянка, сдобренная сливками и коричневым сахаром, мясо цыпленка, поджаренный хлеб и чашка бульона. Я мелкими глотками выпила бульон, съела кашу, а потом впилась зубами в хлеб, уложив поверх него мясо. И почти стонала от удовольствия, пока экономка разводила в тазу воду.

– Миссис Лидия, – я обратила внимание на покрасневшие от усилий руки женщины, – сегодня я осмотрю дом. Бабушка писала мне, что оставила тут для меня деньги. Как толь-

ко я их найду – сразу наймите горничных и лакея. Соседям скажете, что я вдова, приехала в столицу улаживать дела с наследством. А Себастьян... мой кузен. Поддерживает меня в моем горе и мечтает поступить в семинарию.

За что я всегда любила мистера Бриггса и его супругу – за тактичность и неразговорчивость.

– Все сделаю, миледи, – покивала миссис Лидия, – а деньги ваша бабушка оставила на счету. Раз в месяц нам переводится пенсия и некоторая сумма на содержание дома. Излишки Бриггс откладывал, так что теперь можно спокойно нанимать слуг.

– Отлично! А что мистер Трэвис? Еще не встал?

– Мистер Трэвис уже проснулся, мистер Бриггс помогает ему подобрать одежду.

– Ах, да! Раз у нас есть деньги, пригласите портного. Скажите ему, пусть принесёт вдове платье и траурный костюм для моего кузена. Плюс теплые плащи. Обувь придется купить по мерке, чтобы мы могли дойти до лавки сапожника. И обязательно густую вуаль для меня и старомодную шляпу с широкими полями для мистера Трэвиса!

Завтрак меня подкрепил. Я умылась, нацепила капот миссис Лидии и отправилась осматривать дом, осторожно придерживаясь за стены.

Рядом с хозяйской спальней нашлись гардеробная и кабинет. На полках рядом с зеркалом нашлось несколько штук тонкого полотна, узкие полоски тесьмы и кружев. Отдель-

но лежали ткани для блузок, юбок и платьев. Я поразились предусмотрительности моей бабули – одежда может выйти из моды, как и дорогие узорные ткани. Но в шкафах лежали хлопок, лен и шерсть – однотонные и очень качественные.

– Ваша бабушка, да примут Светлые ее душу, сама лично выбирала все для этого дома. Она говорила, что серая шерсть никогда не выйдет из моды, как и простое полотно. А здесь вот – шелк для сорочек, тесьма и шнуры для корсетов, фланель для зимних юбок и все необходимое для шитья!

Я утерла подступившие слезы. Бабуля была тысячу раз права! Она всегда была предусмотрительной и резкой в суждениях, а я не понимала ее. Теперь же необычный прощальный подарок поможет мне выжить.

В кабинете миссис Лидия сразу показала мне огромную шкатулку на каминной полке:

– Вот, миледи, ключа нет, но леди Инфиолата говорила, что вы сумеете открыть.

Я только кивнула – слезы комом стояли в горле. Эта шкатулка стояла на столе бабули в нашем поместье. Она была секретом – ключик прятался в задней стенке самой шкатулки.

Отпустив экономку, я открыла большую деревянную коробку и первым делом увидела чуть пожелтевшее от времени письмо с личной печатью леди Инфиолаты Бристоль.

– Дорогая внучка, я от всей души надеюсь, что мой прощальный подарок тебе не пригодится. Но если ты все же чи-

таешь это письмо, значит, твой муженек показал свою гни- лую натуру. Поэтому тебе понадобится все, что мне удалось о нем узнать, и не только о нем. Используй эти знания с умом, не торопись и стань счастливой!

Под письмом лежала толстая пачка бумаг. Я мельком про- листнула их и закусила губу от волнения – это были пись- ма от бабулиных подруг по пансиону, дальних родственниц и знакомых. Все они были аккуратно перетянуты лентами и снабжены пояснительными записками. Я заглянула в пару конвертов и похолодела. Тут была, скажем так, пикантная информация на моего мужа. И не только на него.

Еще в шкатулке лежали векселя и закладные на прилич- ные суммы, а на самом дне – толстенький кошелек с монета- ми и... украшения. Я про них и забыла. Думала, что все они отошли по завещанию монастырю или богадельне. А оказы- вается, бабушка оставила их мне!

Вот ее любимая брошь с аметистом. Серьги с крупными каплевидными жемчужинами. Браслеты в виде свернувших- ся змей. Вычурного плетения цепочка с крупным алмазом. В общем, все, что я хоть раз видела на леди Инфиолате – все лежало в этой коробке.

Я снова всплакнула и увидела на дне еще одну записку. В ней бабуля прощалась со мной и давала указания, как по- лучить доступ к банковскому счету и прочим ресурсам. Но главное – в запертом секретере лежали поддельные докумен- ты! На меня, детей и мужчину! Да-да, бабушка считала, что

к этому времени у меня будут дети, которых я не пожелаю оставить мужу, и мужчина, готовый сразиться за меня с целым миром!

Я горько усмехнулась, но секретер проверила – там действительно нашлись бланки подорожных, свидетельства о рождении и паспорта, причем, судя по некоторым деталям, бланки были подлинные! Как бабуле удалось это проверить? Оказывается, я ее совсем не знала!

Впрочем, ответы на некоторые вопросы я получила быстро.

Под шкатулкой лежала огромная тетрадь, похожая на гротеск. Я открыла ее, и слезы снова потекли по лицу – она была написана нашей детской тайнописью. Мы с бабулей так переписывались, когда мне случалось бывать в ее поместье. Обычный азбучный шифр. Но вначале нужно было отсчитать количество букв имени того, кому предназначалась записка. Эта тетрадь явно была приготовлена для меня.

Я попросила миссис Лидию вынуть из шкафчика недорогую бумагу и письменный прибор, села за стол и через десять минут отложила перо – это был бабулин дневник. И в нем было немало такого, что не стоило знать посторонним. Например то, что моя решительная бабуля служила в министерстве внутренней безопасности! Тетрадь я убрала в стол – кроме меня ее никто не прочтет, а листок с расшифровкой сожгла на свече – незачем кому-то знать бабушкины секреты.

Утро получилось насыщенным – я устала, и раны снова заныли, требуя новой порции мази и перевязки. Пришлось вернуться в спальню и довериться ловким рукам экономки. Потом меня покормили ланчем в постели и сообщили, что портной придет через час.

– Как чувствует себя мистер Трэвис? – спросила я.

– Он позавтракал, прочитал канон и стал помогать Бриггсу с уборкой, – отчиталась миссис Бриггс.

– Это хорошо, передайте ему, что я жду его через час в гостиной, и нашу легенду о вдове и кузене. Слуг, готовых наняться, соберите к вечеру, я хочу сама выбрать себе камеристку...

– Миледи... – осторожно сказала экономка, и я вспомнила. Конечно, небогатые дамы одеваются сами. Им помогают горничные, способные затянуть шнуровку и подать платье.

– Пусть будут горничные, но мне нужна будет молодая и шустрая, готовая учиться.

– Все поняла, подыщу, как вы хотите, миледи.

Большого разнообразия в одежде у меня не было, так что я снова воспользовалась любезностью миссис Лидии, натянув ее сорочку и капот. Даме в печали позволено принимать белошвейку в домашнем наряде. А вот для Себастьяна нужно придумать повод появиться в одежде мистера Бриггса. Можно сказать, что на его сюртук опрокинули котелок с маслом или воском. Приняв решение, я долго-долго плела косу. Мне повезло – титул защитил меня от унижительной стрижки, и

пусть волосы пострадали в застенке, но им можно было придать приличный вид, уложив аккуратный пучок.

Глава 5

Мои хлопоты и переживания оказались напрасными. Портным оказался пожилой мелкий человечек в круглых очках. Он без интереса выслушал причитания миссис Лидии, посмотрел на мой болезненный вид и приказал подмастерью открыть сундук с готовым платьем.

– Вот, миссис Бристоль, эти наряды я смогу быстро подогнать на вас и вашего спутника.

Осмотрев пяток разномастных платьев и три мужских костюма, я разочарованно вздохнула – одежда была весьма посредственного качества. Нет, пошито все было прочно, но ткани слишком грубые, плохо окрашенные, да и фасоны...

– Мистер Финн, – я покачала головой, разглядывая многочисленные оборки на модной тальме, – как быстро вы можете пошить одежду?

– Смотря что вы хотите видеть... миссис Бристоль, – с паузой сказал портной, явно проглотив «миледи».

Я потаенно вздохнула. Не получается у меня притворяться простой горожанкой из пригорода. Осанку, манеру и речь не спрячешь.

– Мне и моему кузену нужен полный траурный гардероб, – заявила я. – Новые добротные вещи – и как можно скорее. Обязательно траурные вуали, повязки и шляпы с широкими полями. Меня ждет суд за наследство, – придумала я, – не

хочу, чтобы родственники знали, где я живу.

– Все понял... миссис. Позвольте снять мерки? Что именно вам нужно в первую очередь? И какие ткани хотите видеть?

Вот тут я и воспользовалась щедрыми запасами бабули. Сразу заказала по дюжине сорочек себе и Себастиану. Нижние юбки, панталоны, пару ночных рубашек и две дюжины носовых платков. Подмастерье записывал, радостно блестя глазами.

– Платья из серой шерсти, мистер Финн, с различными отделками. Четыре штуки. Два черных. Одно атласное, без украшений. Только ткань и фигурные драпировки. Второе бархатное – без украшений, с пышными рукавами. Для каждого платья шапочку-джульетку с густой траурной вуалью. Перчатки. Несколько бархатных и атласных лент для прически. Маски для дурной погоды и поздних возвращений домой. Туфельки. Ботинки. Чулки и корсеты. Прошу все это закупить вас. Я не могу выходить из дома, не хочу привлекать внимание родственников.

Портной кивал, скользя по мне мерной лентой. Потом он так же тщательно обмерил Себастиана. Блондин наблюдал за всем безучастно, но я не давала ему провалиться в меланхолию – дергала, спрашивала его мнение о фасонах галстуков и шляп. Он растерянно моргал, но выныривал из своих невеселых мыслей.

Мистер Финн, конечно, видел, что с нами все неладно –

семинарист дергался при попытке его обмерить, я вообще не вставала с кресла – от слабости кружилась голова, да и кто на этих улицах заказывает разом целый гардероб?

К тому же ткань, которую недовольная миссис Лидия вынесла из кладовой, была высочайшего качества, что тоже разрушало нашу легенду о бедных провинциалах, прибывших поживиться столичным наследством.

Но мне на это было плевать. Я нащупала слабое место портного – он мечтал шить для знати, пусть тайно. Его честолюбие подогревали батист, тонкий шелк и кружева, которыми я попросила отделать белье. Да, мы вне закона. Мы ожившие мертвецы, но это не значит, что я откажусь от бантика на нижней юбке или от хорошего корсета!

Когда портной ушел, я так устала, что не было сил дойти до кровати. Хлопотливая экономка немедля принесла подносы с чаем и закусками прямо в гостиную. Я пригубила бульон, надеясь, что он вернет мне силы, и бросила взгляд на Себастьяна. Юноша просто смотрел в тарелку, не пытаясь взять ложку.

– Неужели наша почтенная миссис Бриггс пересолила суп? – ехидно спросила я.

Трэвис вскинулся:

– Что? Простите, миледи, я задумался.

– Ваш чай остывает, – напомнила я, – ешьте плотнее. Сегодня нам предстоит выбрать слуг.

– Слуг? – Себастьян явно растерялся.

– Вам понадобится камердинер, – напомнила я.

– Но зачем? – юноша хлопнул великолепными ресницами и посмотрел на меня тревожными голубыми глазами.

– Затем, что вам нужен человек, способный следить за вашим гардеробом.

– Я и сам умею гладить рубашки, чистить сукно и стирать...

– Вы научились этому в семинарии? – спросила я, принимаясь за яйцо всмятку.

– Конечно. Нам позволяли отдавать в стирку белье лишь раз в месяц, а одежды выдавали мало, вот и пришлось всему научиться.

Я покивала, вспоминая школу для юных леди в Портсмуте. Нас тоже учили стирать и крахмалить воротнички и манжеты, утюжить передники, подшивать юбки и латать чулки. Директриса школы уверяла нас, что хорошая жена и мать должна уметь все делать сама. В принципе, все эти знания и умения пригодились мне на службе у принцессы... Но не будем вспоминать Двор. Пока это слишком больно.

– В любом случае вы сейчас так слабы, что помощь вам не помешает. Портной обещал уже к вечеру доставить первый траурный комплект, вам нужно будет его примерить и решить, как спрятать ваше лицо, чтобы вас не узнали.

– Примерить? Спрятать? Зачем?

– Завтра похороны графини Верден, – ровным тоном ответила я, аккуратно разделявая ножом кусочек курицы. –

Мы пойдем туда.

– На... ваши похороны?

– Да. Я хочу отомстить своему мужу. И кое-что забрать из особняка.

Мальчик наивно хлопал глазами, и это вывело меня из себя!

– Неужели ты думаешь, – почти прошипела я, – что я пришла в дом мужа в одной юбке? Мое приданое было больше, чем состояние Верденов на тот момент!

Себастьян потупился. Я немного поутихла. Парнишка не виноват в том, что ничего не знает о Дворе и его интригах. Я ведь тоже ничего не знаю о семинариях. Взяв себя в руки, я продолжила уже куда спокойнее:

– Сразу после свадьбы ее высочество пригласила меня стать ее фрейлиной. Это не принято. Сначала молодой жене дают возможность родить наследника, но леди Амалии было одиноко среди престарелых дам ее матушки, поэтому она уговорила меня поступить на службу сразу. Поверь, это было непросто. Фрейлины дежурят сутками и всегда должны быть бодры, веселы и готовы развлечь хозяйку. А еще нам приходилось разбираться в интригах, знать все сплетни Двора... А, – я махнула рукой, – за эти шесть лет я много сделала для семьи Верден. И теперь хочу увидеть и услышать все, что обо мне говорят. Может быть, эти слова успокоят боль в моем сердце...

Себастиан вскинулся. Кажется, он надеялся, что высоко-

парные речи утешат меня, и я забуду про месть, но нет. Я собиралась на похороны не только за памятными безделушками. У меня был план. И я собиралась воплотить его в жизнь. К сожалению, мое состояние не позволяло мне действовать в одиночестве. Этот красивый юноша нужен мне так же, как и я ему...

Глава 6

Мы едва успели перекусить, как в дом на Зеленой улице явился доктор Либб. Он выглядел встревоженным, но не стал пугать меня и сразу изложил проблему:

– Миледи, сегодня ночью я проводил анатомический сеанс в госпитале...

Я вздрогнула и выпрямилась – привыкла встречать неурядицы с прямой спиной.

– После сеанса подошли стражники и потребовали вернуть ваше тело. Даже деньги обратно принесли.

У меня кровь застыла в жилах, но доктор тут же вскочил и сунул под нос склянку с нюхательной солью:

– Спокойно, миледи, все хорошо! Я приказал Крюмсдалю подобрать тела в мертвецкой, и он отлично справился с заданием. Поскольку тела были использованы для анатомического театра, лица пострадали, так что никто не смог бы их опознать. Стражники забрали только «ваше» тело. Молодым человеком никто не интересовался.

Я выдохнула и ломким голосом спросила:

– Значит, завтра состоятся похороны графини Верден? Зачем же им понадобилось тело? Я помню, стражник говорил, что нас приказано сбросить в реку...

– На похороны собралась приехать ее высочество, – сказал доктор Либб, – об этом объявили газеты. Граф сообщил,

что вы скончались от опасной лихорадки, поэтому тело будет помещено в склеп в закрытом гробу. Но сиятельная особа может потребовать открыть гроб.

Я задумалась. Принцесса Амалия может. Она бесстрашна и часто бывает в госпиталях. Знакома со всеми средствами предосторожности и знает о болезнях не меньше лекаря.

– Но если гроб откроют, как им поможет обезображенное тело? Да еще с изувеченным лицом.

– Лицо напудрят и раскрасят, – отмахнулся доктор. – Самое главное – завтра вас официально похоронят, и вы сможете спокойно уехать из столицы.

Я задумалась. Уехать. Судя по бумагам, бабушка оставила мне все, но это на самом деле не такая уж большая сумма. Мне случалось сопровождать ее высочество в путешествиях, и это было непросто. Однако и сидеть в столице – опасно.

– Доктор, – я покачала головой, – не уверена, что траурная вуаль меня спасет. Слишком многие знают меня в лицо.

– Графиня, – доктор снял свои круглые очки и принялся тщательно протирать их носовым платком, – вы еще не смотрелись в зеркало? Вы очень изменились...

Я застыла, потом перевела взгляд на миссис Бриггс. Добрая женщина прикрыла рот передником, но моему строгому взгляду подчинилась и принесла мне зеркало в шкатулке. Я медленно подняла крышку и уставилась на себя.

Первым побуждением было нестерпимое желание отбросить зеркало в сторону! Мои глаза! Мои яркие зеленые глаза,

которые муж называл «ведьминскими» и требовал опускаться при встречах с его родителями! Они стали медово-карими и невыносимо грустными! А волосы? Мои прекрасные темные локоны, которые ее высочество называла «гишпанскими»? Они побелели практически полностью!

Минута ужаса, сковавшая меня, помогла – я не сумела опустить зеркало и вынужденно смотрела на себя. Старуха в двадцать три! В застенках я очень похудела – глаза стали больше, скулы резче, мой фамильный нос тоже истончился, и вместо приятной во всех отношениях дамы передо мной была злая кукла из уличного театра!

– Не стоит так переживать, миледи, – немного смущенно сказал доктор Либб, – хорошее питание, лечебные травы и покой помогут вернуть былой румянец. Для волос есть отличные краски, ну а глаза... считайте, сами боги помогают вам изменить внешность.

Я сглотнула и перевела взгляд на Себастьяна. Я помнила его светлую шевелюру и голубые глаза. Думаю, не я одна. Впрочем, такие волосы легко перекрасить...

– Вы правы, доктор, – вздохнула я, – краска и здоровье поправят дело. Но как быть с бумагами? На заставах столицы спрашивают документы, да и за границу просто так выехать не получится!

– За границу не обещаю, – закивал головой, как китайский болванчик, док, – а вот с документами – помогу. У меня в покойнице скопилось несколько десятков паспортов

и подорожных. Знаете ли, немало одиноких людей приезжают в столицу за счастьем и погибают тут. Я принесу вам те, которые позволят вам выбраться из города. А дальше пусть Светлые вам помогут!

Я покивала – запас документов лишним не будет. Пробланки, припрятанные бабулей, промолчу. Да и с деньгами нужно быть осторожной – даже если я уеду, нужно будет содержать этот домик, платить пенсию Бриггсам и держать на всякий случай небольшой запас в ближайшем банке. А значит, мне обязательно нужно попасть в особняк графа!

Я так погрузилась в свои мысли, что лишь тяжело дышала, когда доктор увел меня в спальню, чтобы провести осмотр и лечение.

– Рад вас заверить, ваша светлость, – сказал док, ополаскивая руки, – кровотечение прошло без последствий. Во всяком случае никаких критических изменений я не нашел. Вот травы, которые вам нужно пить в течение месяца. А этот сбор – полгода. Диету я передам миссис Бриггс, мазь оставил. Позвольте, я осмотрю еще вашего гостя и откланяюсь.

– Пожалуйста, доктор Либб, – попросила я, – сообщите мне, если мистеру Трэвису понадобится особое лечение или травы. Я должна знать, что с ним все в порядке.

– Не беспокойтесь, госпожа графиня, сообщу сразу!

Глава 7

Док ушел, а я снова погрузилась в размышления. Отомстить мужу довольно легко, если я проникну в особняк. Я знаю об этом доме достаточно, чтобы испортить ему жизнь. А вот герцог Дерринжер... Дядя короля мне не по зубам. Однако бабуля любила приговаривать: по кусочку и быка можно съесть! Мелкие неприятности способны довести до края даже серьезного и сдержанного человека. А если к этим неприятностям добавится мистика... Жаль только, королевская служба безопасности быстро меня вычислит. Но можно ведь действовать издалека, в обход...

Постепенно в голове моей выработался план, и я позволила в колокольчик.

– Миссис Лидия? Доктор Либб уже ушел? Отлично! Отправляйтесь в лавку цирюльника и купите там две краски для волос – светлую и темную. Скажите, что хозяйка поседела от горя! И помогите мне спуститься в гостиную. Кандидаты уже пришли?

– Да, миледи, вас ждут. Правда, я позволила себе покорить некоторых, – призналась экономка, – очень уж голодный был у них вид.

– Вы правильно сделали, миссис Лидия. А теперь помогите мне!

Экономка быстро уложила мои волосы в пучок и затянула

пояс капота. Я не стала себя украшать или прятать лицо. Да меня сейчас и бабуля не узнала бы!

Спустилась в гостиную, села в кресло, закутавшись в плед, и махнула мистеру Бриггсу рукой:

– Запускайте кандидатов по одному.

Дворецкий сделал постное лицо и ввел первую кандидатку. Мне она сразу не понравилась. Глаза дамочки ерзали по углам, останавливаясь то на каминных часах, то на витом подсвечнике. Бабуля не стала превращать дом в роскошную шкатулку, но все вещи в нем были добротными, способными служить много лет. Даже медные подсвечники были увесистыми и красивыми.

Потом кандидатка перевела взгляд на будущую хозяйку и вздрогнула. Да уж, выглядела я пугающе.

– Д-д-доброе денечка вам, миссис! Я услышала, что вы горничную ищете, умеющую даму одеть и причесать!

– Верно, верно, – проскрипела я, придавливая нахалку взглядом, – но ты не подходишь. Шустрая больно.

Девушка не смутилась, только фыркнула и убралась. Я же подумала о том, что Бриггсам нужно завести собаку – для безопасности.

После неудавшейся горничной зашел лакей. Он был опрятен, держался хорошо, но, по моему мнению, был слишком молод и хорош собой. Себастиан сейчас слишком уязвим и легко привяжется к слуге-ровеснику. Нет, этого допустить нельзя.

– Вы очень хороши, – сказала я молодому мужчине, – но мне нужен слуга постарше. Однако я вижу, что работа вам нужна, поэтому я напишу вам рекомендацию в приличный дом.

Юноша искренне поблагодарил. Я велела подать письменный прибор и быстро написала записку от имени своей экономки.

– Отнесите в особняк Верденов, отдадите дворецкому. Думаю, вам не откажут.

Лакей ушел, и появилась следующая кандидатка. Тощая и бледная девчонка прятала под передником натруженные руки. Я прищурилась, всматриваясь в ее лицо. Выглядела она, конечно, недокормленной, но не глупой. Одета в старую, аккуратно перешитую одежду, волосы спрятаны под чепец, а вот ноги в деревянных башмаках покраснели то ли от воды, то ли от холода. И руки тоже.

– Как тебя зовут? – мягким тоном спросила я.

– Мирка, – сказала девочка.

– Расскажи о себе.

Все оказалось просто и печально. Отец Мирки, точнее, Миралии, был плотником. Работал на строительстве домов. Делал оконные рамы и двери. Достойная и недурно оплачиваемая работа. Потому он женился, купил домик в этом квартале, пусть и в самой непрестижной его части, и жена родила ему троих детей. А потом его придавило сорвавшейся со ступеней балкой. И все. Дом был в собственности, но

печи нужно топить, детей кормить, и молодая вдова занялась поденной работой. Да только через месяц после смерти мужа поняла, что снова беременна. Вот и стала брать с собой старшую дочь, обучив ее всему, что умела сама. Теперь же, после рождения третьего братика, Мирка единственная кормилица своей семьи.

Я покачала головой – девочка мне подходила. Умненькая, выросшая в семье, она наверняка быстро всему научится и легко поедет со мной, куда скажу, если оставлю ее семье денег. Но как у нее со здоровьем? И как быть с ее семьей? Пойти к ним сейчас я не могу, а миссис Лидия при всей своей доброте и практичности все же не увидит того, что нужно мне...

– Вот что, – приняла я решение. – Ты сейчас пойдешь домой и скажешь своей матери, что я беру тебя на службу. Ты будешь жить в этом доме, у тебя будет форма, и если понадобится – ты отправишься со мной в путешествие. Взамен миссис Бриггс будет ежемесячно отдавать ей твое жалование. Ты согласна?

Девчонка заморгала глазами и закивала головой.

– Тогда иди домой и все там скажи. Твое жалование будет составлять... – я припомнила отчеты экономки из особняка Верденов, кухонная девочка там получала три шиллинга в месяц. – Пять шиллингов в месяц. Один выходной в неделю. Ты сможешь навещать своих близких. Ступай!

Мирка убежала, и я кивнула дворецкому:

– Запускайте следующего кандидата!

Просмотрев всех, кто пришел наниматься, я написала несколько рекомендательных писем в известные мне дома и остановила свой выбор на трех горничных, кухарке и лакее средних лет.

Кухарка сразу заняла кухню, и ей было велено готовить диетические блюда для всех обитателей дома. Одна горничная отправилась в помощь кухарке, второй вручили таз и тряпки, чтобы прибрать после собеседования. А третью – ту самую Мирку – я повела в свою спальню, чтобы она помогла мне покрасить волосы. Себастьяну с тем же самым должен был помочь его новый лакей.

Девчонка постаралась. Пока я вела беседы и писала письма, миссис Лидия заставила ее вымыться и передела в спешно ушитое форменное платье из собственных запасов. Мирка недоверчиво прикасалась к плотной коричневой шерсти и белоснежному переднику. Но главное – экономка нашла для нее шерстяные чулки, варежки и шарф. А еще легкие кожаные башмаки, на которые моя новая камеристка не могла налюбоваться.

Когда кандидатки разошлись по местам, меня позвала миссис Лидия. Оказалось, мистер Финн расстарался и прислал не только бархатный траурный наряд, но и несколько повседневных вещей простого кроя. Притом все правила обработки ткани были соблюдены! Я изумилась такой скорости, на что довольный подмастерье ответил, что, получив та-

кой крупный заказ, мастер наконец решился и купил машинку для соединения ткани. Так что теперь мой гардероб будет готов в самые короткие сроки!

Я одобрительно покивала и отпустила парня, вручив мелкую монету. Такая скорость и ловкость наводили меня на определенные мысли, но время поджимало, и я поспешила вверх вместе со своей новой камеристкой.

Краска оказалась довольно простой в применении, так что к ужину я вышла симпатичной кудрявой блондинкой в новом платье из строгой серой шерсти.

Мистер Бриггс уже накрыл стол и посмотрел на меня одобрительно – старик вообще любил, чтобы в доме все шло по правилам. Новые слуги облегчили работу им с миссис Лидией и заодно помогли вести в доме привычный порядок.

– Мистер Трэвис еще не спускался? – спросила я, рассматривая традиционную сервировку. Да, тарелки и блюда были из простой керамики, но все одинаковые и соответствующие правилам. То же самое касалось ножей, вилок и ложек.

– Я послал за ним горничную, – ответил дворецкий.

– Отлично! Тогда я его подожду.

Глава 8

Себастьян появился буквально через пять минут. Вошел и неуверенно взглянул на меня, а я не знала, что и думать.

Миссис Лидия купила две краски: одну светлую – для меня, другую темную – для семинариста. Возможно, красить натурального блондина в иссиня-черный было жестоко, но нам следовало замаскировать юношу. Однако новый лакей, мистер Скипс, просил у меня разрешения немного поработать с краской, уверив, что черные волосы превратят мистера Трэвиса в классического жиголо, а это для джентльмена недопустимо!

В итоге я дала разрешение на эксперимент. И вот теперь передо мной сидел абсолютно другой человек! Мягкие каштановые волосы красивой волной падали на модный высокий воротничок. Винного цвета камзол подчеркивал бледную кожу и аккуратные усы! Я и забыла, что мужчин серьезно меняет растительность на лице! Это священники и семинаристы брились гладко. Теперь передо мной был молодой мужчина, возможно, чиновник или даже офицер... Хотя нет, офицера всегда выдадут выправка и молодцеватость, значит, все же штатский... А кто?

– Добрый вечер, мистер Трэвис! Вы прекрасно выглядите! – сказала я. – Приглашаю вас поужинать и обсудить наши дела.

Себастьян отодвинул для меня стул – и я порадовалась. Похоже, мальчика действительно готовили к светской службе или просто очень хорошо преподавали этикет.

Мы сели, и мистер Бриггс торжественно снял колпаки с закусок. Новенькая кухарка расстаралась – тут были перепелиные яйца, начиненные сыром и зеленью, рулетики из ветчины с начинкой из листьев салата, маленькие поджаренные хлебцы с паштетом и восхитительные с виду лепешки, начиненные рубленным мясом.

Себастьян прочел молитву, и мы приступили к трапезе. Я невольно любовалась длинными гибкими пальцами мистера Трэвиса, его изящными движениями и безупречными манерами. Право слово, он легко впишется в приличное общество. Его выдает лишь молчаливость и некоторая робость, что вполне допустимо для провинциала. И все же чем его занять?

– Мистер Трэвис, – я вежливо улыбнулась, разрезая кусочек говядины, – чем вам нравилось заниматься в семинарии?

– Меня привлекала служба, – серьезно ответил он.

– А чем вы занимали свой досуг? – я была настойчивой. Мальчика нужно было вытащить из меланхолии.

– Я любил читать, – наконец отозвался он. – В скриптории хранилось множество свитков и книг. Настоятель позволял мне читать их, если я хорошо выполнял всю работу.

– Что за книги? – заинтересовалась я. Принцесса тоже любила читать, но из-за занятости предпочитала книги слу-

шать. Мало кто знал, что ее чтица отлично знала латынь и греческий, неплохо разбирала франкийский, германский и даже итлийский. Мое образование не было столь полным, но за шесть лет службы я успела много узнать, проводя время рядом с принцессой.

Себастьян перечислил труды греческих и латинских философов и поэтов, добавил парочку драматургов и ученых.

– Где вы раздобыли переводы? Насколько я знаю, их ничтожно мало...

– Я читал в подлиннике, миледи.

Я с трудом удержала изумление. Далеко не каждый сиятельный лорд так образован!

– Вы читаете на латыни и греческом?

– Еще на франконском, итлийском и немного на турецком, – признался Трэвис.

– На турецком?

– У нас был сторож – турок из пленных. Он где-то раздобыл несколько книг на своем родном языке и просил меня читать ему вслух, когда стал плохо видеть.

– Себастьян, это же потрясающе! Я придумала для вас занятие!

– Занятие?

Семинарист отнесся к моему энтузиазму подозрительно, но меня уже было не остановить:

– Вы знаете, как много людей мечтают прочесть Эсхила и Аристофана? Даже Гомер в хорошем переводе большая ред-

кость! Если вы сделаете достойные переводы, их легко возьмут издательства!

Себастьян озадачился:

– Миледи, вы уверены?

– Несомненно! В этом доме есть библиотека. Вы туда не заглядывали?

Юноша покраснел:

– Мистер Бриггс принес мне несколько книг.

– Вот и замечательно! Садитесь в библиотеке за стол, выбирайте книгу и переводите. Бумага и чернила там есть. Поставьте себе цель: хотя бы пару листов в день, и вы сможете заработать себе на жизнь!

Мистер Трэвис так задумался, что даже забыл про ужин! Пришлось мягко вернуть его к действительности, а потом проводить в библиотеку.

Книги стояли и лежали в шкафах за плотными штофными занавесками – чтобы не пострадали от солнца. Когда миссис Лидия отодвинула плотную ткань, у меня снова вскипели на глазах слезы. Леди Инфиолата перевезла в этот домик большую часть своей личной библиотеки! А я помню, как Верден сокрушался, что она передала ее какому-то монастырю! Мой дед по матери собирал книги на языках оригинала, а бабушка очень уважала старинные травники, лечебники и редкие исторические хроники. Именно ее книги о рыцарях и благородных дамах я любила читать. В общем, Себастьяну точно будет чем заняться!

– Взгляните, мистер Трэвис, здесь есть отдельный шкаф с греческими и латинскими авторами! – я бережно погладила позолоченные корешки. – И даже рукописные книги, принадлежащие роду моей матери! Если мы найдем лояльного издателя, на этом можно будет неплохо заработать! Но если вас мало интересуют переводы, вы можете заняться копированием рукописных книг. Уверена, в семинарии вас научили красиво писать, а такая работа будет стоить дорого!

Кажется, я угодила в яблочко! Себастьян прошелся длинными музыкальными пальцами по корешкам и выдохнул:

– Я занимался ремонтом книг в скриптории. Порой переписывал поврежденные листы и даже научился изготавливать переплеты!

– Это просто прекрасно! – я скрыла облегченный вздох. – Завтра составьте список всего необходимого, пусть мистер Бриггс пробежится по лавкам, купит все необходимое, и можете располагаться, где вам удобно!

– Рыбный клей довольно сильно пахнет, миледи, – Себастьян немного беспомощно оглядел уютную читальню, украшенную мягкими креслами, диванчиком и столиком для чаепитий.

– Такие работы можно проводить в каморке возле кухни, – решила я, вспомнив чуланчик, в котором мистер Бриггс чистил и сушил обувь. – А вот сами книги отсюда лучше не выносить. Целее будут.

В этом мистер Трэвис был со мной полностью согласен.

Глава 9

Утром я изрядно нервничала, но отступить не собиралась. Прощание с графиней Верден было назначено на полдень. Миссис Лидия, сжав губы, подала мне завтрак, перевязала раны и принесла полный траурный наряд.

Собиралась я тщательно. Светлые кудри с помощью экономки уложила в модную прическу. Шляпку надела наимоднейшую – графиня Верден никогда не гналась за модой, ее туалеты были формой, а вот сейчас я позволила себе кокетство и мушку на виске. И многослойную траурную вуаль с кокетливым зубчатым краем.

Платье портной пошил удивительное – скроенное по последней моде из черного атласа с отделкой из бархата, оно выглядело дорогим, роскошным и ... кокетливым! Этаким легкомысленный траур, превращавший мою фигуру в подобие фарфоровой куклы.

Усиливая это сходство, я приказала затянуть корсет – талию легко можно было обхватить руками, и надела ботинки на высоком каблуке – они добавляли роста и делали движения неуверенными.

Перчатки, сумочка, модная в сезоне муфта – и вот узнать меня уже практически невозможно.

– Мистер Трэвис уже готов?

– Да, миледи! Пролетка ждет!

Я спустилась вниз и залюбовалась бывшим семинаристом. Высок, строен, плащ с пышными пелеринами зрительно добавлял ширину плеч и рост. Траурная шляпа с вислыми полями, трость, усы... Да его наверняка и приходской капеллан не узнал бы!

– Мистер Трэвис, прошу вас обращаться ко мне: леди Бристоль. Аманда Бристоль.

– Как скажете, миледи, – серьезно отозвался он.

– Что ж, мы отправляемся в особняк Верденов. Сейчас там прощание с покойной графиней. Принесём соболезнования, и... вы поможете мне кое-что оттуда забрать.

– Кое-что забрать?

– Мое приданое включало в себя не только счет в банке, земли и ценные бумаги. Там были еще драгоценности, мои личные книги и векселя королевского банка. Все это я хочу забрать.

– Но... разве это не кража? – Себастьян помог мне сесть в пролетку и укутал ноги пологом.

– Это мои личные вещи, про которые никто не знает, – покачала я головой. – Моя гувернантка, миссис Котти, была вдовой, пережившей троих мужей. Она поделилась со мной своей мудростью, когда я выходила замуж. Ее советы очень помогли мне во дворце. Один из них – всегда имей припрятанные деньги или то, что ты сможешь быстро продать. Очень помогает выжить.

Трэвис взглянул на меня с легким страхом, но разговор

пришлось прервать – мы подъехали к особняку Верденов.

Странное чувство охватило меня, когда я взглянула на эту серую громадину. Когда-то меня, юную и влюбленную Вивьен Верден, в это здание привез молодой муж. Он светился радостью, целовал мне пальцы, а через неделю, получив приданое, едва здоровался за завтраком. Потом были стычки со свекровью, холодность прислуги, и, наконец, приглашение ко двору ее высочества – скромный тихий двор сестры короля привлекал куда больше ледяной семейки Верденов. Я с радостью покинула этот склеп, сменив его на другой – красно-коричневый.

Пока я предавалась тяжелым размышлениям, спрятав лицо под вуалью, пролетка въехала во двор и остановилась у крыльца. Мистер Трэвис помог мне спуститься, и мы присоединились к жидкому ручейку посетителей, поднимающихся по лестнице.

Я присмотрелась. Впереди поднимались в основном родственники Верденов – младшие ветви, племянники жен и сестры мужей.

Гроб стоял в холле у подножия лестницы. Закрытый гроб. Только длинный серебряный шлейф моего придворного платья свешивался и растекался на положенные этикетом четыре метра.

Я судорожно сжала руки и всхлипнула. Покойся с миром, неизвестная мне женщина. Пусть твоя душа успокоится там, где нет боли.

Себастиан сжал мою руку, утешая, и медленно провел мимо обтянутого глазетом ящика к графу и его маменьке. Я едва сдержалась, чтобы не фыркнуть – бывшая свекровь чинно прикладывала платочек к покрасневшим глазам, но я даже через вуаль чувствовала запах лукового сока, которым она смочила ткань, чтобы натуральнее изображать скорбь.

Муж платком не пользовался, только натянул на лицо маску благородной сдержанности. Когда-то я верила, что вижу его истинное лицо, потом решила, что он всегда носит маску. И лишь в день ареста увидела его подлинную физиономию – мерзкую, пошлую и жадную!

Опустив голову ниже, я подошла к графу Вердену вместе с толпой родственников. Хриплым, сорванным в подземелье голосом прошептала соболезнования, услышала в ответ светское «скорбим» и отошла к столам, на котором был сервирован чай.

Себастьян следовал за мной и очень трогательно придерживал под руку. Я прижала платочек к губам, наблюдая за тем, как гости, небрежно тыкая вилками, царапают мой любимый сервиз «косяного» фарфора. Наверняка вдовствующая графиня распорядилась выставить его в прихожую, словно это дешевые керамические тарелки для челяди!

Гнев и сожаление заставили меня зарыдать. Себастьян поднес воду с вином, обнял, но я все не успокаивалась, и тогда он попросил бдящую у столиков экономку отвести меня в тихое место и подать мятной воды.

– Миледи очень любила покойную графиню, боюсь, смерть лучшей подруги стала для нее ударом!

Экономка смотрела на молодого красавца с подозрением, но все же проводила нас в ближайшую малую гостиную и оставила одних. Это было именно то, что мне нужно! Опустившись в кресло, я подождала, пока подозрительная особа уйдет, и быстро скомандовала Себастьяну:

– Мистер Трэвис, передвиньте кресло к двери! А теперь – за мной!

Бывший семинарист легко переставил тяжелое кресло к двери и нырнул за мной в скрытую драпировкой дверь.

О, как же я была довольна тем, что в первые месяцы после брака муж уехал в поместье, оставив меня одну в этом склепе! От скуки я изучила каждый уголок огромного дома, ведь выезжать без мужа или свекрови молодой супруге не пристало. Тогда я и узнала о скрытых за мебелью и драпировками дверях, старинных переходах и нескольких тайниках, расположенных прямо в спальне хозяйки дома!

Глава 10

Себастьян бежал за мной, сжав губы. Ему не нравилось наше проникновение на жилой этаж особняка, но я была непреклонна. Пришлось воспользоваться лестницей для слуг, а потом быстро бежать на цыпочках по длинному «хозяйскому» коридору.

Наконец я подошла к двери моей бывшей опочивальни. Она, конечно, была заперта на ключ, но я знала слишком много секретов этого дома и залезла рукой в нишу для светильника, расположенную рядом с дверью. Там, под тяжелой основой канделябра, прятался запасной ключ от моих покоев.

Отворив дверь, я впустила семинариста в гостиную и быстро заперла комнату снова.

– Вот так! Теперь нам никто не помешает! – шепотом сказала я.

– Миледи, что если сюда кто-то зайдет? – закусил губу юноша.

– Сейчас все слуги внизу, готовят поминальный обед и присматривают за гостями. Сюда никто и не сунется до новой свадьбы моего бывшего мужа. Идем, все самое важное в будуаре и в спальне!

Отвлекая мистера Трэвиса разговорами, я принялась вскрывать свои тайники. Для начала опустошила шкатулку с

драгоценностями. Семейные камни семейства Верден хранились частично в сейфе графа, частично в банковском хранилище. Те безвкусные булжники мне выдавались трижды в год – на день коронации Его Величества, на новолетие и на день рождения свекрови. Все остальное время я пользовалась драгоценностями, доставшимися мне от мамы, подарками бабушки и отца. Незачем оставлять их новой леди Верден. Обойдется.

Потом я перешла к моему любимому дамскому секретеру. Изящный столик казался безделушкой, украшающей будуар, но на деле он хранил немало секретов. Ценные бумаги – их мне принес отец, когда уходил в короткий поход по приказу короля. Там он подхватил болотную лихорадку, которая и свела его в могилу так рано. Кошелек с золотом – иногда ее высочество награждала своих фрейлин деньгами, и я скрывала от мужа этот факт, пользуясь тем содержанием, которое он мне выделял. Тут тоже было несколько украшений, подаренных принцессой. Три перстня, пара серег с изумрудами, цепочка с подвеской и новенький золотой помандер – ее высочеству не понравился запах, а мне эта нежная смесь подошла идеально.

Уложив все в карманы, нарочно пришитые под юбкой, я двинулась в спальню.

Мой молитвенник – маленький, но богато украшенный. Его мне подарила мама на десятилетие. Памятная во всех отношениях для меня вещь.

Гербовая бумага, конверты и печатка – зачем я их взяла, не знаю, наверное, тоже не хотела оставлять наивной дурочке, которую Верден возьмет в жены. Я сама договаривалась с художником, сама рисовала узоры... Не отдам!

Потом я подошла к старинной кровати. Тут пришлось приложить усилия и выкрутить один медный шар на спинке. Внутри хранились золотые цепочки, соединяющие между собой жемчуг и рубины. Старинное украшение какой-нибудь дамы эпохи вертюгалей и вычурных золотых чепцов. Я обнаружила их случайно, и не собиралась оставлять мужу.

С туалетного столика я забрала любимые духи, заколки с натуральными камнями и спрятанную в отдельном ящичке памятную книжку. В ней я вела записи своих дворцовых дел и тех людей, с которыми случалось встречаться. Писала бабулиным шифром, так что прочесть их никто не мог, но для меня было важно, чтобы этот дневник не угодил в чужие руки.

– А теперь за мной! – я потянула Себастьяна в ванную.

Он смутился, увидев роскошную мраморную раковину на бронзовых ножках, но мне некогда было его успокаивать. Именно в ванной была дверь, которая вела на вторую лестницу для слуг.

Мы тихо вышли на нее и, прислушиваясь, спустились на первый этаж. Где-то впереди слышался голос экономки и ответы мужским голосом. Кажется, они уже ломают дверь в гостиную, пора бежать!

Поправив вуаль, я потянула Себастьяна в другую сторону – подальше от парадных покоев. Счастье, что я знала, куда идти и как избегать встречи с лакеями и членами семьи. Пару раз нам пришлось замирать в нишах или темных углах, один раз заскочили в библиотеку и притаились за огромным письменным столом. Там я тоже кое-что прихватила, мстительно фыркая себе под нос.

А потом... мы попали в кабинет моего супруга! Как и почему он остался в этот день незапертым, я не знала, но тут же, задвинув засов, потерла руки.

Мне страшно хотелось сделать благоверному какую-нибудь гадость. Он ведь считал меня глупышкой. Думал, я не знаю, где он проводит время, сообщая мне, что едет в клуб. Думал, я не узнаю, что он проиграл часть моего приданого, а доход от аренды земли, купленной моим отцом, вложил в покупку дома для любовницы! Я все знала и молчала, потому что хотела быть хорошей женой. Но теперь...

Я залезла в кармашек и вынула флакончик своих духов. Уникальный аромат, составленный для меня придворным парфюмером. Я сама его не ощущала совсем, но даже Верден был вынужден признать, что во дворце работает настоящий мастер своего дела – меня узнавали по этому запаху.

Несколько капель на лист бумаги – и чуть-чуть помахать им в воздухе. Потом я быстро нарезала лист ножом и разложила невесомые полоски по всему кабинету. Одну спрятала в камине под дровами. Вторую – в книге, лежащей на краю

стола. Еще один листочек лег в папку с бумагами. Заодно я вынула из папки все, что могло представлять ценность. Хватит бывшему муженьку и того, что осталось.

Себастьян все это время смотрел на меня круглыми глазами, а я наслаждалась. Пусть моя месть мелка, но так приятно!

Из кабинета графа мы ушли быстро. В коридоре было тихо, но вдалеке нарастал шум. Я поморщилась – если нас начнут ловить, придется убежать, как простым воришкам.

К счастью, именно в этот момент в особняк Верденов прибыла ее высочество. Слуги, позабыв обо всем, высыпали на улицу, чтобы хоть краем глаза взглянуть на особу королевской крови. Немногочисленные зеваки тоже собрались у ворот, и нам удалось незамеченными выйти на задний двор, а там уж закоулками выбраться в грязный переулок, пахнущий нечистотами.

– Миледи, вам нельзя здесь оставаться! – Себастьян огляделся и быстро увлек меня к свету ближайшей улицы.

Я вдруг поняла, что страшно устала, раны болят, подвесные карманы больно колотят по ногам, и я уже некоторое время иду, повиснув на мистере Трэвисе. Бывший семинарист молча вел меня и даже не кривился, словно сочувствовал! Это так меня удивило, что я чуть не остановилась. Однако Себастьян не дремал – махнул шляпой, подзывая пролетку, посадил меня, закутал и приказал:

– На улицу Медиков, миледи стало плохо на поминках!

Нас довели до госпиталя, там мы вышли, присели на скамью и вскоре уехали оттуда на другом извозчике. Сменив два-три экипажа, наконец прибыли к моему дому и с великим облегчением упали на кресла в гостиной.

– Миледи, это было так страшно! – признался Себастьян.

– Я очень устала и пережила немало неприятных эмоций, – призналась в ответ я, – но все было не зря!

– Если вы так считаете, – не стал спорить Трэвис.

– Я забрала свои украшения, деньги и кое-какие памятные вещи, – объяснила я, – а еще придумала, как можно отомстить моему супругу.

Юноша трепыхнулся.

– До герцога Дерринжера мне сейчас, к сожалению, не добраться, но... я могу сильно испортить жизнь Вердену, и я это сделаю!

Трэвис только вздохнул.

Глава 11

Вечером, когда к нам заглянул доктор Либб, я уже была спокойна и выдержана. В голове созрел план, который требовал участия доктора. Но сначала мне нужно было получить новые документы и присмотреть для себя новый дом где-нибудь подальше от столицы.

Док не подвел – принес полдюжины бумаг, в которых женщины были молодыми и кареглазыми, пусть и с разным цветом волос:

– Я подумал, что для вас не станет проблемой изменить цвет волос, миледи, – немного смущаясь, сказал он.

– Вы абсолютно правильно подумали, – благодарно улыбнулась я, просматривая бумаги. Женщины почти все были замужними. Одна даже вдова. Впрочем, у меня есть сопровождающий, так что проблемой это не станет.

– С мистером Трэвисом немного сложнее, – признал Либб, – но кое-что удалось подобрать.

Для Себастьяна нашлось всего три паспорта с подорожными. Зато это были холостяки, не имеющие проблем с законом.

– Эти люди мертвы? – удивилась я.

– Погибли при ограблениях в основном, – грустно покивал док, – провинциалы в столице – легкая добыча для местных грабителей. Бумаги обычно прячут в подкладке, или в

нательной сумке, и разбойники их не находят. Если же родственники не забирают тело за три месяца, их хоронят как безродных, в общей могиле, а найденные при них вещи передают в приют.

– Сурово, – я вновь коснулась слегка помятых документов. – Большое спасибо вам, доктор. Я бы хотела попросить вас еще об одной малости – мне нужно уехать куда-нибудь подальше. Может быть, вы порекомендуете тихое курортное местечко с климатом, полезным для моего здоровья?

– Нервные и душевные недуги отлично лечат в Форше, миледи, – сразу ответил док. – Еще неплохи соленые озера Миадии или каменистый берег Лима.

– Спасибо за рекомендации, доктор. Я просмотрю объявления, попытаюсь подыскать себе жилье в одном из этих мест. И как только вы позволите нам с мистером Трэвисом уехать, мы покинем столицу.

Доктор поколебался. Я его понимала – ему хотелось побыстрее отправить нас восвояси, но раны на наших телах нельзя было показывать никому. Очень уж странно они выглядели. Однако док нашел выход.

– Я напишу вам заключение и рекомендации по лечению, словно вы попали в аварию на королевской дороге, – решил он. – С такими данными лечение сможет продолжить любой врач, и вы можете уехать уже через несколько дней.

– Это будет великолепно, доктор! – обрадовалась я.

На следующий день в газетах появилась сенсационная но-

вость – особняк графа Вердена ограбили в день похорон его супруги. Правда, список похищенного не публиковался, но вскользь упоминались драгоценности и ценные бумаги. Полиция подозревала парочку авантюристов, к сожалению, четкого описания дамы никто не дал, а молодой человек не имел особых примет кроме шляпы и усов.

Я порадовалась и занялась следующей ступенью своего плана. Все утро я писала письма. Тонкие, эмоциональные прощальные письма от умирающей графини Верден. Принцессе. Мужу. Свекрови. Подругам-фрейлинам. Королю. Королеве. Герцогу Дерринжеру. Его маменьке, жене и дочерям. В общем, всем, кто хотя бы раз в жизни видел графиню Верден. Я писала на своей гербовой бумаге, слегка смачивала собственными духами и запечатывала конверты личной печатью.

Потом каждый красивый надушенный конверт маскировался. Для мужа – под деловое письмо от его стряпчего. Для принцессы – под письмо от аббатисы опекаемого ею монастыря. Для короля маскировкой послужил конверт якобы от герцога Дерринжера, а герцогу – от короля.

Это заняло целый день, и к вечеру я уже едва шевелилась от усталости.

После нашего отъезда Бриггс должен был выехать за город, добраться до ближайшей почтовой станции и отправить все письма, купив для них самые дорогие марки. Старик потренировался, натянув вещички, приготовленные на выброс,

и натерев щетину золой. Он отлично замаскировался под бродягу, вонял сивухой и приговаривал, что ему заплатил за отправку стражник в странной форме. Я от души ему поаплодировала, а потом серьезно поблагодарила старика за помощь. Он мне ответил:

– Я был рад вспомнить молодость, миледи. Ваша бабушка, леди Инфиолата, до замужества вела весьма рискованную жизнь, да и потом имела секреты...

Я заинтересовалась, но Бриггс посоветовал почитать бабулин дневник и больше рта не раскрыл.

Вздыхнув, я приказала собирать наши вещи и отправила старика купить два билета в первый класс в сторону Лима.

Гардероб, бабулин дневник, мои драгоценности и деньги упаковали быстро. Я оставила распоряжение насчет дома и еще одну пачку писем. Дворецкий должен был отсылать их моему мужу и герцогу Дерринжеру каждый месяц тринадцатого числа. Я сомневалась в суеверности герцога, но мой муж возвращался домой, если встречал священника или черную кошку, и письма «с того света» попортят ему немало крови.

Глава 12

Дом на Зеленой улице мы покидали ночью. В поезд сели не в столице, а в одном из предместий. Сонный проводник проверил билеты, довел нас до купе, приказал носильщику загрузить багаж, предложил чай и оставил нас в покое.

Я смотрела в окно на исчезающие огни столицы, и мое сердце рыдало. Себастиан тоже выглядел бледно.

– Мистер Трэвис, надеюсь, вы не разочарованы тем, что месть случится не сразу? – спросила я, желая расшевелить юношу.

– Я уверен, что нам нет нужды мстить, миледи, – вздохнул бывший семинарист, – Бог сделает это лучше.

– Богу нет дела до герцога Дерринжера, – горько сказала я, – но не будем спорить, давайте спать. Следующей ночью у нас пересадка.

До Лима мы не доехали – вышли на тихой станции посреди ночи, провели день в привокзальной гостинице, а на следующую ночь вернулись к столице и купили билеты в Форш.

До этого курорта пришлось неспешно ехать целых четыре дня. Под конец пути я страшно измучилась, и Себастьян вынужден был выносить меня из вагона на руках. К счастью, для курортного городка такие картины не редкость, так что особенного внимания на меня не обратили.

Наняв пролетку, мы добрались до центра города и тща-

тельно изучили объявления у ратуши. Нам нужен был дом с приходящей прислугой и без лишних глаз. А еще нужен был врач, способный проследить за нашим выздоровлением.

Статус вдовы позволял мне самой заниматься делами, но я старалась вытянуть мистера Трэвиса из меланхолии, поэтому сидела в пролетке, пока он перебирал объявления и выбирал те, что показались ему интересными.

Присмотревшись к выбранным листам, я сразу отсекала идеально написанные объявления на дорогой бумаге и кривенькие писульки на самой дешевой. Выбрала два свежих, написанных старомодным округлым почерком, и расспросила о них возницу.

– Это? Это адрес вдовы Макрегор, миледи. Она женщина строгая, чистая и опрятная. Сдает приезжим комнаты в своем доме. Сама и за едой следит, и за чистотой. У нее не забалуешь. Очень любят маменьки с дочками останавливаться.

– Нет уж, милейший, маменьки и дочки меня не устраивают. Родственник мой книгу пишет, ему тишина нужна, а не пищащие девицы!

Кучер усмехнулся в усы и ткнул во второе объявление:

– Тогда вам сюда, миледи. Вдова Даргон сдает целый дом. Берет по совести и служанок своих присылает.

– А сама где же живет? – удивилась я.

– Сама в родительский дом перебралась. Муж умер, сын уехал, с матери только деньги тянет, вот она и старается как может.

– Везите нас к ней! – решила я, усаживаясь в пролетку и расправляя траурную вуаль. Из-за вуали и низкого голоса меня принимали за почтенную матрону, а Себастьяна – не то за сына, не то за племянника. Я поддерживала эту иллюзию, стараясь запутать возможных любопытных.

Дом вдовы стоял на тихой улице и размерами не отличался. Увидев свое объявление, она подтвердила его:

– Да, миледи, сдаю дом со всей мебелью и прислугой. Есть кухарка, горничная и лакей.

– Со мной моя камеристка, – я махнула рукой на Мирку, притулившуюся в ногах, – и племянник со своим камердинером. Нам нужно тихое место для поправки здоровья и написания книги. Мои нервы так измучены смертью супруга, что доктор прописал мне поездку на воды...

Я болтала всякую ерунду, копируя одну из младших фрейлин, стараясь убедить окружающих в своей пустоголовости. Вдова вздохнула и поехала с нами – показывать сдающийся дом.

Он стоял на одной из центральных улиц и, хотя не отличался размерами, имел огромное преимущество – дом был окружен красивым ухоженным садом.

– Вот, миледи. Фрукты можно собирать, есть и заготавливать. Но если вас это не интересует, я пришлю служанок...

В голове промелькнул сбор урожая в поместье Верденов, и я поморщилась. Это несколько недель шума и суеты вокруг. Нет уж.

– Благодарю, нет нужды. Мы собираемся снимать дом остаток осени, всю зиму и весну, так что сделаем себе запасы.

Вдова Даргон не была довольна моим решением, но смирилась. По правде говоря, к ноябрю на ветках мало что осталось – хурма, гранаты, зеленые плоды фейхоа да темные ягоды терна и поздней малины.

Внеся задаток за месяц вперед, я заявила, что очень устала с дороги, поэтому сразу иду отдыхать. Кухарке было велено приготовить легкий питательный обед, а мистер Трэвис отправился обследовать сад.

Я действительно разделась с помощью Мирки, отпустила ее на кухню и легла в постель. Но стоило мне закрыть глаза, и я снова очутилась в сыром вонючем подвале. Где-то с потолка капала вода, а может, это моя кровь сочилась на каменный пол? Гнилозубый стражник, обдавая меня дурным дыханием, лапал за грудь, а палач с раскаленной иглой в руках подходил все ближе...

Проснувшись я от собственного крика. Перепуганная Мирка брызгала на меня водой, бледный Себастьян стоял рядом, в дверях толпились слуги.

– Миледи, все хорошо, миледи!

Юноша боялся подойти ко мне, поэтому разговаривал издали, но это было и к лучшему – я вдруг ощутила страх перед ним, как перед мужчиной. К счастью, первой сообразила Мирка – она полезла в саквояж с лекарствами и достала

настойки и травы, прописанные доктором Либбом.

– Что из этого вам подать, миледи? – спросила она срывающимся голосом, и я устыдилась своей слабости.

Конечно, после всего пережитого в пыточной я не засыпала без микстур и мазей дока. И впервые позволила себе уснуть днем, позабыв о лечении. Вот и получила кошмар.

Обняв себя руками, я быстро распорядилась подать чайник кипятка для заваривания успокоительных трав, а пока перепуганные слуги несли необходимое, проглотила пилюли и запила их водой.

Убедившись, что цвет моего лица улучшился, слуги разошлись, а вот мистер Трэвис уходить не пожелал – сидел на стуле у приоткрытой двери и смотрел на меня беспокойными глазами.

После чашечки успокоительного чая я почувствовала себя лучше и предложила:

– Мистер Трэвис, давайте перейдем в гостиную, и вы мне расскажете, что обнаружили в саду.

Юноша собрался предложить мне руку, но замялся, и я ему напомнила:

– Дайте мне несколько минут – поправить прическу, и я спущусь.

После этого он наконец ушел, а Мирка хлопотала вокруг, подавая мне домашние туфли и поправляя волосы.

Глава 13

Себастьян вышел, а я села к зеркалу. Кошмар сильно отразился на мне. Лицо побледнело, резко проступили мимические линии, под глазами собрались тени. Даже волосы успели растрепаться и напоминали воронье гнездо. Выходить из комнаты в таком виде точно было нельзя. Я вздохнула и приказала своей юной камеристке:

– Поддай шкатулку с птичкой на крышке.

Девочка тотчас принесла необходимое. Меня охватили воспоминания. Дворец быстро приучает выглядеть безупречно, а старшие фрейлины делятся секретами аккуратной и свежей внешности. Просидев во фрейлинском зале с двумя товарками двадцать четыре часа, быстро учишься прятать в поясной сумочке пудру, капли для глаз и помаду в цвет губ. А потом, отоспавшись в крохотной личной комнате, находишь недорогие способы выглядеть отдохнувшей, словно ты побывала в загородном поместье и не брала в руки ничего тяжелее веера.

Шкатулку я собрала перед отъездом. Благо миссис Лидия знала, что нужно в нее положить. Я отправила мою маленькую помощницу за льдом, кипятком и свежими сливками, после чего открыла шкатулку. Чистые белые салфетки из тонкого хлопка лежали в особом отделении. Рядом красовалась баночка воска для ногтей, лайка и порошок для поли-

ровки, бутылочка с оливковым маслом, баночка с очищенным жиром, краска для глаз, помада для бровей...

Когда Мирка вернулась, я первым делом плеснула в чашку кипятка, увлажнила салфетку и ненадолго прижала ее к лицу, распаривая и размягчая кожу. Потом взяла немного пудры, смешанной с высушенными ягодами малины, капнула в нее сливок и протерла лицо. Подержала, умылась, закрепила результат кусочком льда и наложила на кожу салфетку, пропитанную сливками, и посидела с ней несколько минут, чувствуя, как расслабляется лицо.

Сливки промокнула еще одной салфеткой и слегка побрызгала на лицо цветочной водой. Вот теперь можно было припудрить нос, чуть пригладить помадой брови, подвести уголки глаз и капнуть на губы оливковое масло с медом.

– А теперь давай займемся волосами, – сказала я Мирке, глядя на себя в зеркало.

Девчонка аккуратно расчесала меня и уложила светлые локоны в простой узел. Дома траурная вуаль заменялась куском черного кружева в прическе, так что я быстро надела платье, приколола к плечу брошь и, довольная своим внешним видом, спустилась в гостиную.

Обед уже подали, но Себастьян ждал меня, не прикасаясь к блюдам.

– Благодарю за ожидание, мистер Трэвис, – чопорно сказала я, опускаясь на стул.

Семинарист чуть покосился на служанку, готовую пода-

вать блюда, и так же вежливо ответил:

– Мне не трудно, леди Бристоль. Надеюсь, вам лучше.

– Благодарю, – мягко, как при Дворе, улыбнулась я, давая знак служанке, что можно подавать обед.

Та встрепелась, открыла супницу и разлила по тарелкам восхитительно пахнущую уху. Здесь, на побережье, мясо было неоправданно дорого, зато рыба поражала свежестью, вкусом и приятной ценой.

Поскольку Форш был аристократическим курортом, я не решила использовать тут документы, принесенные доктором Либбом. По ним мы выехали из столицы, а после пересадки тщательно спрятали в потайном отделении моего саквояжа с нижним бельем. Меня слишком выдавали осанка и манеры. Живи мы тут затворниками – и то пошли бы слухи, а я не собиралась прятаться от общества. Моя задумка была иной.

В дороге Себастьян занимался переводом, и, прочитав несколько страниц готового текста, я восхитилась – этот перевод был куда полнее и точнее, чем тот, который сделал один из академиков королевской академии наук лет двадцать назад. Эту версию любовной поэзии примут с восхищением, ведь при Дворе сейчас в моде романтизм.

А значит, нам нужен издатель. Плюс инвесторы. Можно, конечно, позволить мистеру Трэвису воплотить мою задумку с рукописной книгой – но это дольше и не так прибыльно. К тому же я в состоянии украсить будущую книгу виньетками

и даже рисунками пером. Совместный труд, дающий средства к существованию – это объединяет и дает силы жить. И не только силы, но и средства.

После рыбного супа подали рыбу с овощами, а после малиновый десерт и кофе.

Я с удовольствием отпила маленький глоток, посмаковала, нашла, что новая кухарка, несомненно, хороша, и улыбнулась бывшему семинаристу:

– Итак, мистер Трэвис, чем нас порадует наш сад?

Он вспыхнул лицом – не то от смущения, не то от удовольствия – и принялся рассказывать. Больше всего в саду нашлось инжира, сразу три дерева в разных концах участка. Были хурма, айва, мушмула, абрикосы и еще целый ряд пока не опознаваемых деревьев. Но что особенно восхитило Себастьяна – он отыскал два деревца синского финика.

– Нам иногда привозили его в подарок от благотворителей, – блестя глазами, рассказывал молодой человек. – Это очень полезное растение! Его плоды вкусны и очень полезны. Доктор Либб прописал вам по возможности съедать горсточку плодов ежедневно или заваривать вместо чая сухие плоды, чтобы контролировать головные боли.

Я задумчиво покивала – эту рекомендацию я помнила. Доктор мягко объяснил мне, что после усердия стражников в пыточном подвале и потери ребенка моему организму еще долго нужна будет деликатная поддержка. Я прилежно пила травы и настойки, которые он прописал, но порой мучилась

от спазмических болей и прочих неприятных ощущений.

– Это хорошие новости, мистер Трэвис, – сказала я и предложила перебраться с кофе в гостиную. Мне все же хотелось изложить компаньону задумку с изданием его переводов.

Однако разговор пошел совсем не так, как я думала. Стоило мне заикнуться о том, что я читала чудесные лирические сонеты, как Себастьян стремительно покраснел и признался, что эти стихи он писал сам, взяв у греков лишь канонические размеры и некоторые традиционные обороты.

– Но... это же великолепно! – выразила я искреннее восхищение. – Мистер Трэвис, вы можете публиковать свои стихи под своим именем, но я вам искренне рекомендую выдать их за переводы Александра Этолийского или Феокрита! Поверьте, вы, как переводчик, быстро обретете и деньги, и славу!

– Слава в моем положении... – Себастьян пугливо обернулся на дверь, и я поняла, что слишком поторопилась.

– Что ж, как переводчик, вы сможете взять псевдоним, и никто вас не узнает, – постаралась я успокоить юношу. – И раз у вас уже есть что показать издателю, предлагаю в самое ближайшее время появиться в здешнем обществе.

Бывший семинарист стал еще бледнее.

– Начнем с обращения к доктору. Думаю, наши проблемы со здоровьем будут хорошей причиной гулять по бульвару и наведываться в местные купальни, а там посмотрим.

– Миледи, – осторожно возразил Себастьян, – не слишком

ли вы торопитесь? Ваше здоровье...

– Нам все равно придется обратиться к доктору, – вздохнула я, рассматривая остатки кофе в своей чашке, – и нам нужен не популярный шарлатан, а самый настоящий целитель. Думаю, мой сегодняшний кошмар убедил прислугу в том, что я действительно больна, поэтому вдова Даргон может посоветовать кого-то полезного.

Оставив пустую чашку, я присела к письменному столу в углу комнаты и набросала записку с просьбой рекомендовать врача, умеющего работать с кошмарами и последствиями аварии фиакра. Задумавшись, запечатала письмо и уже потянулась к личной печатке, спрятанной в поясном кармашке, но остановилась – не стоит показывать в этом городе свой настоящий герб. Прижала сургуч резной крышечкой чернильницы и позвонила в колокольчик.

Явившаяся на звонок горничная смотрела на меня с любопытством, однако одета была чисто и привычно прятала под передник натруженные руки.

– Отнеси записку вдове Даргон, милая, – попросила я, – или мальчишку с кухни отправь. Да побыстрее.

Глава 14

Молодая женщина присела в книксене и вышла, а я вернула внимание мистеру Трэвису:

– Вы уже выбрали для себя удобное место для письма, Себастьян?

– В спальне нет стола, миледи, – сказал он, – и я не успел обойти дом...

– Давайте сделаем это вместе, – предложила я, вставая.

Мой компаньон предложил мне руку, и мы неспешно обошли первый этаж. Кроме небольшой гостиной, обставленной с провинциальной бережливостью, здесь была столовая, в которой мы обедали, маленькая комнатка, напоминающая мужской кабинет, просторная веранда и кухонная часть, в которой жили слуги.

Мне особенно понравилась веранда. Ее открытая часть выходила в сад. Тут стоял красивый круглый стол, вокруг – плетеные кресла с подушками. Ступеньки сбегали в сад, и даже его по-осеннему бледный вид разгонял тоску.

Наверху располагались спальни, но туда мы не пошли. Мне слуги отвели большую, «семейную», комнату, а мистеру Трэвису, как одинокому «племяннику» – самую дальнюю и, подозреваю, маленькую. Впрочем, семинарист не жаловался, а мне так было спокойнее – меньше сплетен.

После осмотра я предложила мистеру Трэвису занять ка-

бинет.

– Это будет правильно, кабинет считается мужским местом в доме.

– Но это ваш дом, миледи! – попытался возразить он.

– Оставьте эту пустую вежливость, Себастьян, – я устала и устроилась в кресле на веранде, попросив Мирку принести горячего чая и плед для ног. – Вам для переводов нужна тишина и сосредоточенность, а я свои письма вполне могу писать в гостиной.

Молодой человек неожиданно подошел и поцеловал мне руку:

– Благодарю вас, миледи, я постараюсь оправдать ваши надежды!

Пока моя юная камеристка сервировала чай, я любовалась садом. Пахнувший морем и фруктами воздух наполнял мое тело, и боль отступала. Не телесная – с той успешно справлялись снадобья доктора Либба. Боль душевная догнала меня в этом приятном месте и порой впивалась зубами из-за угла.

К счастью, вернулась служанка, которой я отдавала письмо, и вручила мне ответную записку. Вдова вошла в мое положение и посоветовала доктора. Правда, заранее извинилась, что сей эскулап невежлив, даже груб и не терпит истерик и обмороков. Зато действительно лечит.

Я взглянула на солнце, медленно опускающееся к морю, и решила, что можно пригласить доктора прямо сейчас. Тянуть незачем. Впереди ночь, и я хочу спать, а не бегать по

незнакомому дому, пугая домочадцев криками.

За доктором отправился лакей. Я предупредила слугу, что доктор нужен, но если он занят – следует только передать приглашение зайти, пусть и на следующий день. Однако слухи в маленьких курортных городках распространяются быстро, так что не прошло и трех четвертей часа, как у ворот раздался шум от подъехавшей коляски. Я отправила служанку узнать, кто пожаловал – к этому моменту я уже сидела в гостиной и пыталась написать аккуратное письмо мистеру Бриггсу, чтобы выяснить, как идут дела в столице.

– Миледи, к вам доктор Смолетт! – объявила горничная, вернувшись.

– Проси! – я с некоторым сожалением накрыла письмо листом бумаги и повернулась к входящему крепкому мужчине лет пятидесяти. Его белые волосы контрастировали с черными усами и бровями, что придавало ему очень достойный вид.

– Добрый день, миледи! – доктор пристально посмотрел на меня поверх небольших полукруглых очков, и я почему-то поняла, что он спешил ко мне.

– Добрый день, доктор, – я встала, приветствуя гостя. – Желаете чаю с дороги?

– Не откажусь! Заодно хотел бы узнать, у кого вы лечились, и какие ваш доктор дал рекомендации?

Я велела служанке принести свежий поднос и предложила гостю выйти на веранду:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.